

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Боровской Анны Александровны на тему «Русская эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и общества (1918–1940)», представленной к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая история.

Актуальность темы диссертации связана с проблемой научного обеспечения современной внешней политики Российской Федерации в области сотрудничества с соотечественниками, оказавшимися за рубежом. Потребности такого сотрудничества вытекают из конституционных обязательств российского государства, направленных на дипломатическое обеспечение защиты прав граждан страны, находящихся в зарубежных поездках, а также оказание помощи и поддержки россиянам в силу различных обстоятельств, эмигрировавших из России в различные исторические эпохи или оказавшихся в новых независимых государствах в следствие распада СССР. Такое сотрудничество предполагает наличие культурной и гуманитарной составляющей во внешней политике государства, которое неоднократно констатировалось в речах высших должностных руководителей Российской Федерации на протяжении с начала нашего века. Нельзя забывать, что за границей в короткие сроки не по своей воле оказались миллионы наших соотечественников, поэтому и политическая, и моральная ответственность за возникшие у них проблемы не может быть снята с российского государства. Для выработки и реализации политики в этой области необходимо обеспечить необходимым аналитическим материалом. Изучение проблем эмиграции россиян требует, как повседневного анализа ситуации, так и исторических исследований для овладения опытом разрешения существующих проблем, да и природы самого явления. Актуальность диссертации Анны Александровны определяется тем, что в качестве самостоятельного исследования предмет её работы еще не был представлен в системе научных знаний. Тем самым автор заполнила имеющуюся лакуну. Диссертация А.А. Боровской позволяет дополнить отечественную историографию о Швеции и русской эмиграции 20- 30-х гг. прошлого века в соответствующей отрасли науки. Её целью является выявление характерных черт, присущих шведскому государству и обществу в их отношении к русской послереволюционной эмиграции.

Научная новизна диссертации А.А. Боровской не вызывает сомнения. Впервые предпринята попытка комплексно исследовать отношение шведского государства и общества к русской иммиграции в Швеции в исследуемый период на основе широкого круга материалов органов государственной власти, почерпнутых из личных дел русских иммигрантов в Швеции. Это позволило исследовать не только политические и социальные фак-

09/2-81 от 02.10.2014

торы, но личностные аспекты положения русской диаспоры в Швеции, что явилось безусловной новеллой автора. Многие из этих документов впервые введены в научный оборот.

Структура работы позволяет представить исследование общей проблемы в рамках нескольких последовательно представленных самостоятельных сюжетов. Сначала автор анализирует особенности иммиграционной политики шведского государства с начала XX века и до конца 30-х годов, пытаясь выявить корреляцию этой политики в связи с различными периодами русской эмиграции. А.А. Боровская указала на важные факторы, под влиянием которых происходило формулирование требований к миграционной политике Швеции: ограниченность ресурсов северной страны, проблемы рынка труда, опасения, связанные с мировыми катаклизмами, воздействие политики великих держав. Все они предопределили ужесточение миграционной политики Швеции после окончания Первой мировой войны, которая усугубилась революционными событиями и гражданской войной в России. Автор убедительно показала, что иммиграционная политика Швеции диктовалась потребностями внешней и внутренней государства, а не характерными особенностями этапов русской эмиграции. Представляется, что, точно анализируя различные факторы, которые оказывали воздействие на выработку соответствующего курса шведского правительства, автор все же несколько выпячивает роль русского фактора.

Во второй части работы А.А. Боровская анализирует отношение шведского правительства и шведского общества к русским беженцам в период между двумя мировыми войнами. Автору удалось на основе документальных данных представить нелицеприятную картину отношения шведского общества к иностранцам через призму отношения к иммигрантам из России, указывая на основе документальных данных и на расизм, и на ксенофобию, и на антисемитизм проявлявшиеся в общественном сознании Швеции по отношению к иностранцам. Автор подробно показала, что стремление русской эмиграции устроить политические «разборки» между собой в Швеции еще более усугубили проблему. При этом автору удалось преодолеть антиисторизм в нравственной оценке этого явления, демонстрируемый зачастую в современной публицистике. Тем более, что в целом Швеция удержалась от проявления подобных настроений в политике государства и удержалась от союзнических отношений с Германией, да и во второй половине 30-х годов шведское общество критически отнеслось к расистской практике нацистского государства и в Швеции не сформировалось «пятой колонны», как это было в некоторых странах Северной Европы.

В последней главе диссертации автор исследовала положение дел в русской диаспоре Швеции, её взаимодействие со шведским обществом на общественном и личностном

уровне. Здесь автору удалось исследовать только деятельность русских иммигрантов Стокгольме, где была сосредоточена, хотя и наиболее активная, но все же десятая часть русскоязычного населения Швеции. Автор объяснила это разбросанностью и плохой организацией русских в шведской провинции. Безусловной проблемой явилось отсутствие необходимой источниковой базы по изучению положения русских в провинции. Интересным представляется, что на уровне межличностных отношений указанные выше негативные стороны шведского общественного мнения практически не проявились. Наверное, эта загадка требует дополнительного исследования либо самого шведского общества, либо той его части, которая поддерживала отношения с русской иммиграцией. В частности, автор, на наш взгляд, не уделила должного внимания изучению отношения членов королевской семьи к русской послереволюционной иммиграции в Швецию, хотя факты такого внимания в диссертации приведены.

Хронологические рамки исследования охватывают период между двумя мировыми войнами, что вполне оправдано, но и требует соответствующего подхода к проблематике исследования. Так, на наш взгляд, целесообразно было бы в рамках темы больше внимания уделить внешнеполитическим аспектам проблемы, влиянию на государственную политику международной обстановки и отношениям Швеции с Германией, Великобританией и СССР, от которых во многом зависела международная безопасность в регионе Северной Европы. Автор предпочла сосредоточиться на факторах, которые обеспечивали отношение к русским беженцам исключительно в узком плане. А в этом случае для того, чтобы выявить специфику иммиграционной политики и сделать необходимые выводы, ей приходилось постоянно выходить за хронологические рамки исследования.

Исследование А.А. Боровской основано на использовании широкого круга исторических исследований отечественных и шведский авторов, которые в том или ином отношении затрагивают круг проблем, связанных с русской иммиграцией в Швеции. Диссертация содержит обширный и грамотный историографический обзор научной литературы.

Безусловно, сильной стороной диссертационного исследования А.А. Боровской использование значительной источниковой базы. Автор привлекла материалы 11 фондов из 4 архивов, в том числе восьми фондов двух шведских архивов. Среди них законодательные акты Швеции, директивы МИДа, Министерства юстиции, переписка чиновников МИДа и других органов государственного управления, личные дела русских иммигрантов, хранящиеся в шведских государственных архивах. Автору удалось получить доступ к части материалов архива Свято-Преображенского храма в Стокгольме, содержащих данные о прихожанах храма и попытках оказать гуманитарную помощь русским беженцам в Швеции, использованы материалы о транзите русских военнопленных через Швецию, со-

держатся в ГАРФ и РГВИА. Привлечены также материалы периодической печати Швеции и мемуары, сборники воспоминаний. Особо надо отметить трудоемкую обработку автором личных досье русских иммигрантов из государственного архива Швеции, умение работать с документальными источниками и грамотно их интерпретировать. Это свидетельствует о высокой научной культуре автора диссертации.

В целом Анна Александровна Боровская подготовила оригинальное научное исследование, раскрывающее важную научную проблему.

Вместе с тем хотелось бы высказать некоторые замечания и пожелания по поводу рецензируемого сочинения:

1. Миграционная политика любого государства зависит от многих факторов, но в том числе и от внешней политики государства. Подробный комплексный анализ такой политики невозможен без учета внешнеполитического фактора. Его влияние велико и на отношение общества к представителям тех или иных стран и иммигрантам. Автор в первой главе диссертации указывает, что в Швеции накануне Первой мировой войны были сильны антирусские настроения. Это не удивительно, т.к. в те годы Швеция имела широкие связи с Германией в различных областях, влияние этих связей находило свое отражение и в общественном сознании Швеции. В межвоенный период происходил процесс перегруппировки сил на европейском театре будущих военных действий Второй мировой войны. Естественно, что Швеция, стремившаяся обеспечить собственную безопасность не могла не реагировать на эти изменения, а, следовательно, внешнеполитический фактор влиял на настроения в обществе и на политику государства. Тем более, что в своей внешней политике СССР обращал внимание на многомиллионную русскую эмиграцию и требовал от дипломатических представительств ограничить её возможное влияние на общественное мнение. Известная публикация документов внешней политики СССР дает возможность предметно рассмотреть такую возможность оказания влияния на шведское отношение к русской диаспоре. Наконец, в шведском общественном мнении на протяжении всего периода возникала дискуссия об отношении к происходящему в СССР. Он давал для этого многочисленные положительные и отрицательные поводы. В эти дискуссии должна бы была включаться в той или иной мере русская диаспора. Однако сведений на этот счет в работе нет за исключением послереволюционного периода. На наш взгляд проблема внешнеполитического фактора требует более внимательного исследования в тексте диссертации. Возможно необходим был бы соответствующий самостоятельный сюжет.

2. Важным элементом отношения к русским иммигрантам в мире было отношение к русской культуре. В Швеции также интересовались русской культурой, как классической, так и советской. Наверное, этот фактор тоже имел значение для формирования отношения в Швеции к русским. Сама русская диаспора, наверняка, проявляла интерес к отечественной культуре. Известно, что Советское государство проводило довольно активную политику по продвижению за рубежом русской и советской культуры. Более того СССР стремился убедить мировое общественное мнение в том, что именно он является наследником великой русской культуры. Во второй половине 30-х гг. советские общества культурных связей с заграницей провели культурные мероприятия, направленные на то, чтобы показать, что русская классическая культура была революционно-демократической, а не монархической. В качестве повода было использовано столетие со дня смерти А.С. Пушкина. Были опубликованы расшифрованные рукописи его сочинений, отражавшие это положение. В том числе в Швеции были проведены довольно широкие мероприятия по этому поводу. Новая трактовка русской культуры получила положительный отклик в мировой общественном мнении, в том числе в Швеции. В 1938 г. в шведском прокате был представлен советский фильм «Петр I», получивший гран-при Всемирной выставки 1937 г. в Париже. Демонстрация фильма получила широкий отклик в шведской прессе. В это время переводы советской литературы в Швеции вышли на второе место после литературы на английском языке, обогнав переводы с немецкого. В это же время экскурсии шведов в СССР стали более многочисленными, чем в Германию. Успехи индустриализации и культурного строительства в СССР вызвали повышенный интерес в среде русской эмиграции в 30-е гг. Об этом написал в своем отчете академик Н.С. Державин, посетивший Балканы и Чехословакию в это время. Представляется, что подобные события не могли не получить отклик в русской диаспоре и в отношении к ней в шведском обществе. Наверное, эта проблема также требует специального исследования.

3. В качестве рекомендации можно было бы предложить автору познакомиться с документа фонда Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. В нем содержатся отчеты уполномоченного ВОКС в Швеции об общественных настроениях в Швеции относительно СССР и советской культуры. Достаточно объективно отражающие периоды подъема и спада такого интереса. Сомнению может быть подвержена интерпретация причин таких колебаний в Швеции, но это не отменяет самого факта дискретности процесса. Всё это мо-

жет поставить на обсуждение вопрос, почему она не проявлялась в отношении шведского общества к русской диаспоре, т.к. диссертация убеждает, что в отношении к русской эмиграции никаких сдвигов не происходило в исследуемый период.

Высказанные замечания и пожелания не отменяют весьма положительной оценки диссертационного исследования Анны Александровны Боровской.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора сочинения в изданиях из перечня, утвержденного Минобрнауки РФ.

Диссертация Анны Александровны Боровской на тему «Русская эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и общества (1918–1940)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 1 сентября 2016 года № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Анна Александровна Боровская заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая история.

Председатель диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор,
профессор с возложением обязанностей
заведующего кафедрой международных
гуманитарных связей

В.И. Фокин

30.09.2017